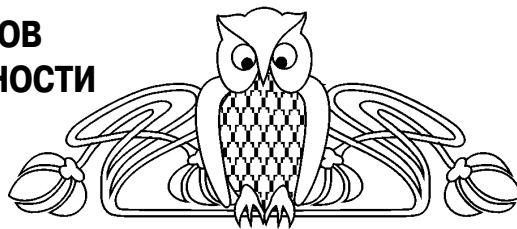

Слово молодым политологам

УДК 321.011

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ВНЕШНИХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ В «СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2020 ГОДА»

Д.Н. Чуваткин

Вольское высшее военное училище тыла (военный институт),
факультет тыла внутренних войск МВД РФ
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается механизм представления внешних угроз и вызовов безопасности России в ключевом документе «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Автор анализирует теоретические основы данного документа, его возможное действие на различные целевые аудитории. Представлен также анализ основных критических замечаний в адрес данной стратегии.

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, внешние угрозы и вызовы, военные факторы политики, оборона, военное руководство, цели и приоритеты военной политики РФ.

Presentation of External Threats and Calls in «Strategy of National Safety of the Russian Federation 2020»

D.N. Chuvatkin

The article deals with a mechanism for external threats and challenges to Russia's security in a key document – «National Security Strategy of Russia until 2020». The author analyzes the main theoretical basis of the instrument, its possible effects on different target audiences. Presented as an analysis of the main criticisms of this strategy.

Key words: strategy of national safety, external threats and calls, military factors of a policy, defence, military management, the purposes and priorities of a military policy of the Russian Federation.

Современное государство, представляя существующие внешние угрозы и вызовы, реализует одну из основных своих функций – охранительную, направленную на гарантирование национального суверенитета, сохранение территориальной целостности и собственную стратегию развития. Как правило, эта функция реализуется одновременно и как идеологическое творчество, поскольку государство должно четко и последовательно сформулировать перечень наиболее острых сюжетов, влияющих на его развитие в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Основным источником по данной проблеме служат доктринальные документы страны – Конституция, Военная доктрина и стратегия национальной безопасности, в которых с большей или меньшей степенью детализации представле-

ны проблемные зоны: «друзья» и «враги», цели и средства нейтрализации угроз, уровень ресурсного обеспечения безопасности.

Целью данной публикации является анализ той части официального документа Российского государства – «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»¹, в которой представляются внешние угрозы и вызовы. Такой анализ позволяет определить основной декларируемый вектор развития оборонного блока государства, зафиксировать главные силовые линии внешней политики РФ на современном этапе, выявить центральные смыслообразующие сюжеты внешнего образа России как члена международного сообщества.

Стоит отметить, что такие документы, как рассматриваемая «Стратегия...», во все времена носили характер деклараций, имеющих своим адресатом как «внешние» аудитории (государства, политические элиты «союзников» и «противников», международные организации, ТНК и МНК²), так и внутреннюю аудиторию (с целью консолидации правящего класса, обеспечения более последовательной работы по целеполаганию, мотивации военного строительства, мобилизации соответствующих ресурсов). Можно предположить, что появление нового варианта такого документа в России продиктовано сразу комплексом причин, которые наиболее четко обозначены именно в последние несколько месяцев.

Во-первых, во время агрессии Грузии в Южной Осетии в августе 2008 г. стала очевидна готовность российского руководства последовательно отстаивать основные права российских граждан даже с применением военной силы (что, по-видимому, было неочевидно, по крайней мере, для грузинского руководства и ряда стран Европы и Америки). Неслучайно именно в этот «горячий» период новый российский Президент Д.А. Медведев в своих заявлениях для СМИ говорил о назревшей необходимости принятия новой «Стратегии национальной безопасности» (в силу неадекватности новым условиям «старой» доктрины образца 1997 г.). Во-вторых, кризисные тенденции в мировой экономике существенно изменили баланс отношений между государствами по основным глобальным проблемам современности. На первый

план выходит борьба за мировые энергетические ресурсы, которые, будучи по природе конечны, находятся в центре внимания всех индустриальных экономик и являются «рамочными» условиями, задающими основные параметры дальнейшего социально-экономического развития. В-третьих, современные условия развития РФ существенно усложняются в связи с сохранением и даже приращением опасных тенденций непосредственно вблизи российских границ (региональные конфликты в СНГ, развитие ядерной программы Ирана и Северной Кореи, эскалация противостояния в Афганистане и Пакистане, продвижение НАТО на восток и др.).

В рассматриваемом документе констатируется, что современное развитие неразрывно связано с глобализационными процессами. А они, в свою очередь, обостряют противоречия между государствами, которые выражаются в неравномерности развития, разрывах в уровне благосостояния, обострении борьбы за ресурсы и др. Кроме того, весьма значимым фактором является несовершенство глобальной и региональной архитектуры безопасности, ориентированной в Евро-Атлантическом регионе только на НАТО, несовершенство правовых инструментов обеспечения безопасности государств и гарантий пересмотра национальных границ³. В этом смысле авторы данного документа демонстрируют вполне современный научный подход, разделяемый большинством ученых-специалистов по безопасности в РФ и за рубежом. Так, например, авторы фундаментального труда, описывающего глобальные процессы, констатируют: «Военную глобализацию в первом приближении можно рассматривать как процесс территориального расширения и интенсификации военных столкновений между политическими единицами мировой системы... Исторически этот процесс пространственно-временного уплотнения привел центры военного могущества к тесному контакту и потенциальному конфликту, поскольку увеличилась возможность продемонстрировать колоссальную разрушительную мощь, несмотря на огромные расстояния. Вместе с тем время принятия военных решений и время на ответные действия сократилось, вследствие чего постоянно действующие военные структуры, непрерывно готовящиеся к войне, стали неотъемлемой частью современной военной жизни»⁴.

Если систематизировать представленные в тексте анализируемого документа внешние угрозы и вызовы безопасности РФ по их источникам и видам, то можно представить их таким образом.

1. *Собственно военные угрозы безопасности, исходящие от государств или негосударственных субъектов.* К их числу отнесены следующие вызовы (ст. 10, 12):

- вероятные рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях,
- противоречия между основными участниками мировой политики, угроза распространения

оружия массового уничтожения и его попадания в руки террористов,

– совершенствование форм противоправной деятельности в кибернетической и биологической областях, в сфере высоких технологий;

– возрастание риска увеличения числа государств – обладателей ядерного оружия (ст.12).

Прямыми угрозами военной безопасности названы:

– политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на достижение преобладающего превосходства в военной сфере, прежде всего в стратегических ядерных силах, путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, стратегических вооружений в неядерном оснащении, формирования в одностороннем порядке глобальной системы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства, способных привести к новому витку гонки вооружений, а также на распространение ядерных, химических, биологических технологий, производство оружия массового уничтожения либо его компонентов и средств доставки;

– негативное воздействие на состояние военной безопасности Российской Федерации и ее союзников, усугубляемое отходом от международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, а также действиями, направленными на нарушение устойчивости систем государственного и военного управления, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, функционирования стратегических ядерных сил, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов (ст.30).

Кроме того, в документе отмечается ряд источников угроз национальной безопасности – разведывательная и иная деятельность спецслужб и организаций иностранных государств, направленная на нанесение ущерба безопасности РФ, террористическая деятельность, уничтожение военных и промышленных объектов, устрашение населения, деятельность транснациональных преступных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ. Отдельно упоминаются такие угрозы интересам и безопасности РФ, как возможная эскалация вооруженных конфликтов вблизи границ РФ, а также назавершенности оформления государственной границы с рядом стран (как в международно-правовом, так и в техническом отношении) (ст. 41).

2. *Экономические угрозы безопасности, связанные с возможными утратами РФ позиций в экономической сфере* (ст. 11). К числу данных угроз относятся, по мнению авторов «Стратегии...», следующие:

– последствия мировых финансово-экономических кризисов, сопоставимые по совокупному ущербу с масштабным применением военной силы;

– кризисы мировой и региональных финансово-банковских систем, усиление конкуренции в борьбе за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольственные ресурсы, отставание в развитии передовых технологических укладов, повышающие стратегические риски зависимости от изменения внешних факторов (ст. 47).

Авторы документа подчеркивают, что «главными стратегическими рисками и угрозами национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу являются сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики, снижение конкурентоспособности и высокая зависимость ее важнейших сфер от внешнеэкономической конъюнктуры, потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, неравномерное развитие регионов и прогрессирующая труднедостаточность, низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, а также незаконной миграции» (ст. 55). Здесь мы видим понимание таких рисков и проблем, которые являются масштабными и весьма затратными по времени и ресурсам на их минимизацию. Видно также, что авторы понимают особенности России как континентального протяженного государства, где есть угрозы диспропорции развития отдельных регионов. Решать данный вопрос предлагается через «развертывание полномасштабной национальной инновационной системы за счет формирования перспективных территориально-промышленных районов в южных регионах и Поволжье, на Урале и в Сибири, на Дальнем Востоке и в других регионах Российской Федерации» (ст. 64).

3. Экологические вызовы безопасности страны.

В этой части констатируется тяжелое состояние национальной безопасности в сфере экологии. Здесь указывается что ситуация «усугубляется сохранением значительного количества опасных производств, деятельность которых ведет к нарушению экологического баланса, включая нарушение санитарно-эпидемиологических и (или) санитарно-гигиенических стандартов потребляемой населением страны питьевой воды, вне нормативного правового регулирования и надзора остаются радиоактивные отходы неядерного топливного цикла. Нарастает стратегический риск исчерпания запасов важнейших минерально-сырьевых ресурсов страны, падает добыча многих стратегически важных полезных ископаемых» (ст. 87).

Решение этих проблем видится в формировании условий для внедрения экологически чистых

производств, поиска перспективных источников энергии, создания стратегических запасов минерально-сырьевых ресурсов, достаточных для обеспечения мобилизационных нужд РФ и гарантированного удовлетворения потребностей населения в водных и биологических ресурсах (ст. 88). Стоит отметить, что авторы документа видят эту деятельность как взаимодействие государства с институтами гражданского общества (правда, при этом не поясняется какие именно институты имеются в виду).

4. *Социально-культурные вызовы, стоящие перед страной, и их возможная динамика на перспективу.* Здесь на первый план выходят такие угрозы, как националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма. Констатируется обострение мировой демографической ситуации и проблем окружающей природной среды (ст. 10). Указывается, что возрастут угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, наркоторговлей и торговлей людьми, другими формами транснациональной организованной преступности.

Одними из главных угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации являются возникновение масштабных эпидемий и пандемий, массовое распространение ВИЧ-инфекции, туберкулеза, наркомании и алкоголизма, повышение доступности психоактивных и психотропных веществ (ст. 72).

Главными угрозами национальной безопасности в сфере культуры определены: засилие продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, а также противоправные посяательства на объекты культуры (ст. 80). Кроме того, в ст. 81 упоминается негативное воздействие на состояние национальной безопасности в сфере культуры, которое усиливают попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, пропаганда образа жизни, в основе которого вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость.

Таким образом, нетрудно видеть, что собственно военные угрозы национальной безопасности России сформулированы достаточно широко, но при этом авторы «Стратегии...» не видели настоящей необходимости фиксации категорий «друг» и «враг» в лице конкретных государств или союзов. Это связано, на наш взгляд, с несколькими обстоятельствами. Во-первых, в конкретном плане Российская Федерация намерена решать вопрос о союзниках и противниках на тех же основах, что США и НАТО, а именно: исходить из того, что у нее нет прямых врагов, но сохраняются потенциальные угрозы или, следуя американской терминологии, «категории риска», которые непременно должны учитываться во всех стратегических расчетах и планах⁵. Во-вторых, хотя современная российская оборонная концеп-

ция базируется на тех же принципах, формулируется она в несколько иной форме: определяются те или иные конкретные кризисные ситуации, в которых военная опасность перерастает в непосредственную военную угрозу, что позволяет на этой основе те или иные страны относить к категории врага. Такая установка, безусловно, имеет политический смысл. Она соответствует оборонительной направленности военной стратегии России, ориентированной на отражение неспровоцированной агрессии. Но вместе с тем ее абстрактность не позволяет целеустремленно готовить к обороне страну и Вооруженные силы. По существу, из нее вытекает, что России нужно рассматривать в качестве своих вероятных противников все без исключения государства. Из этого следует, что оборону надо строить буквально по всем ракурсам и быть в готовности вести войну с любой коалицией враждебных сил, что, разумеется, не только непосильно, но и неразумно ни в политическом, ни в стратегическом плане. Иными словами, получается, что в перспективе почти каждую страну надлежит рассматривать и как врага, и как союзника. Причем в равной степени это относится не только к США, ФРГ, Англии, но и к Польше, Венгрии, Чехии, Румынии, ко всем государствам Балтии и даже к Украине, Казахстану, среднеазиатским республикам. Поэтому для России создается весьма парадоксальная ситуация: ей приходится готовить свою армию и разрабатывать стратегию в расчете на все случаи жизни.

Однако в числе угроз национальной безопасности, которые разбиты в документе по тематическим главам, значится усиление роли США в мире (Соединенные Штаты не названы прямо, они угадываются по характеристике «страна, разрабатывающая собственную систему глобальной противоракетной обороны»)⁶. Отмечено, кроме того, расширение НАТО как «продвижение военной инфраструктуры альянса к границам России», и придание ему глобальных функций является неприемлемым и идущим вразрез с нормами международного права. Стоит отдельно сказать о том, что в российской политической науке и теории международных отношений сегодня есть такие оценки, которые предполагают высокую вероятность прямого военного столкновения России и США⁷. По-видимому, авторы «Стратегии...» такого сценария не допускают в принципе, отмечая лишь вероятность угрозы для РФ военного доминирования США.

Документ также допускает возникновение военных конфликтов у границ РФ: «В условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы – может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников». Возникновение военных конфликтов вблизи границ РФ числится и среди угроз национальной безопасности, где

также обозначена и незавершенность оформления госграницы России.

Другие угрозы и вызовы национальной безопасности отмечены как вероятностные негативные сценарии политического развития, потенциально ведущие к появлению серьезных проблем у Российского государства и общества.

Если оценивать реакцию на данный документ в двух разных аудиториях – российской и зарубежной, то можно заметить ряд тенденций. Так, в российской прессе в основном обсуждался характер отличий данного документа от предшествующих аналогичных и делались выводы о горизонтах государственного планирования вообще⁸. Некоторые обозреватели, критически настроенные в отношении действующей российской власти, указывали на поверхностность данного документа, его формально-бюрократический характер⁹.

Среди зарубежных экспертов по безопасности и международным отношениям восприятие данного документа было сдержанным. Они отмечали, что такие документы, как правило, всегда носят расплывчатый характер и периодически обновляются (обновление обычно связывают с появлением у руководства страны новой администрации).

Профессор Уэслианского университета Питер Ратлэнд считает, что найти подходящий момент для принятия стратегических решений вряд ли возможно: «Аналогичная практика наблюдается и в США, когда с приходом новой администрации вносятся коррективы и пересматриваются концепции»¹⁰.

Схожего мнения придерживается и Николай Соков, аналитик Центра по проблемам нераспространения оружия массового поражения в Монтерейском институте международных исследований, который считает, что, хотя новый документ и представляет собой описание философии национальной безопасности, «... через несколько лет приоритеты и цели могут измениться, и тогда будут опять внесены коррективы. Концепция безопасности России от 2000 просто устарела. Этот документ дает нам понимание того, какой будет, по всей вероятности, политика России на ближайшие 4–5 лет»¹¹.

А вот по мнению ведущего эксперта Фонда «Наследие» Ариэля Коэна, новая стратегия наглядно демонстрирует многолетнюю конфронтацию России с США и их союзниками по НАТО¹².

В связи с этим американские эксперты указывают на следующее обстоятельство. В интервью секретаря Совета безопасности Николая Патрушева, который отвечал за разработку самого документа, напрямую даются ссылки на теоретические положения геополитических трудов британского географа начала XX в. Хэлфорда Маккиндера, который хорошо известен своими работами о геополитике Евразии¹³. «Геополитические построения, основанные на теории геополитики Хэлфорда Маккиндера, – это даже не вчерашний

день, – считает Соков. – Эти построения на самом деле уже давно устарели и постулируют неизбежность конфликта между континентальными державами, в данном случае – Россией, и морскими державами – США. Вызывает беспокойство, что один из ведущих российских руководителей придерживается взглядов, постулирующих неизбежность военного конфликта»¹⁴. Такие оценки связываются, прежде всего, с актуальными геополитическими сюжетами в сегодняшнем мире. Так, например, многие аналитики задают вопрос: не означает ли это, что Москва готова применить военную силу, например в Каспийском регионе, где она уже конкурирует с западными странами? По мнению Сокова, «если исходить из теории Маккиндера и его российского последователя Александра Дугина, то такой вариант действительно неизбежен, что если США направят в Каспийский регион военный контингент, то Россия сделает ответный шаг»¹⁵.

Подводя итог, можно отметить, что в новой стратегии в целом адекватно понимается нынешнее военно-политическое состояние России, целостно отражается существующий уровень и масштаб угроз. Однако в то же время текст документа свидетельствует о стремлении представить максимально возможный спектр угроз и вызовов, прагматически определяя стратегию страны, что ведет к распылению ресурсов и сил в их отражении и предупреждении.

Примечания

- 1 Здесь и далее текст документа приводится по изданию: «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>
- 2 Принятые сокращения: ТНК – транснациональные корпорации, МНК – мультинациональные компании.
- 3 См.: «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».
- 4 Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. М., 2004. С.104.
- 5 Суть этого термина была раскрыта в январе 1991 г. в декларации НАТО о новой стратегической концепции Североатлантического блока, в которой, в частности, указывалось: «В отличие от главной угрозы прошлого сохраняющийся риск для безопасности союзников многогранен по природе и имеет многие направления, что осложняет его прогнозирование и оценку. НАТО должно быть в состоянии отреагировать на такой “риск”, чтобы стабильность в Европе и безопасность членов Союза были сохранены...». Судя по оценке руководства НАТО, маловероятно, что «риск для безопасности союзников» будет результатом сознательной агрессии; «скорее всего он станет результатом неблагоприятных последствий той нестабильности, которая может возникнуть из-за серьезных экономических, социальных, политических трудностей, включая национальные конфликты и территориальные споры, с чем уже столкнулись многие страны в Центральной и Восточной Европе». Цит. по: Вопрос о союзниках и противниках // <http://voenstrategia.ru/249>.
- 6 Стремление США опираться на силовое решение многих международных проблем и конфликтов все чаще находит отрицательный отклик не только за пределами «сверхдержавы № 1», но и в самих США. Так, например, один из видных американских специалистов Сейм Браун – профессор Университета Брандейса, длительное время занимавшего высокие позиции в таких «фабриках мысли», как Корпорация РЭНД, Институт Брукинга и Фонд Карнеги, предостерегает против чрезмерного упования на военно-силовой ресурс. См.: *Brown S. The Illusion of Control. Force and Foreign Policy in the 21st Century.* Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. 187 p. (Браун С.. Иллюзия контроля. Фактор силы во внешней политике XXI века. Вашингтон: Изд-во Института Брукинга, 2003. 187 с.). Рецензия на книгу: *Троицкий М.* Безответственность силы и иллюзии власти. Наставление для политиков как аналитический жанр в США // <http://www.intertrends.ru/three/016.htm>
- 7 Так, например, известный специалист, зав. отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН Н.А. Косолапов утверждает: «Война между США и Россией ныне возможна не только технически, но и политико-психологически. Две страны исподволь приближаются к тому рубежу, на котором рискует оказаться намного ближе к войне, чем к ней когда-либо подходили СССР и США». (Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // *Международные процессы.* 2008. Т. 6, № 3(18). С. 15–26.
- 8 *Баданин Р., Самигуллина А., Цветкова М.* Нацбезопасность в процентах ВВП // http://www.gazeta.ru/politics/2009/05/13_a_2985774.shtml
- 9 Так, например, П. Святенков отмечает: «Отчасти авторы стратегии попытались ответить на эти вопросы, но ответить так, чтобы никого не обидеть. В итоге в документе отдано должное и отношениям с США, и отношениям с Шанхайской организацией сотрудничества, с другими международными организациями и странами. Но, в общем и целом, документ производит впечатление не руководства к действию, а бюрократической конструкции (надо к такому-то числу принять такую-то бумагу – давайте, примем). Для того чтобы собственно стратегия национальной безопасности могла реально измениться, необходим некий план изменения этой стратегии, то есть, необходим прогноз угроз, с которыми Россия может столкнуться в ближайшем будущем. Под эти угрозы должна создаваться военная инфраструктура, инфраструктура военных союзов, и, соответственно, должен быть разработан план противостояния этим угрозам. Всего этого в “Стратегии национальной безопасности...”, на мой взгляд, нет». Цит. по: *Святенков П.* Бумага к такому-то числу // www.apn.ru/2009-05-26/; другой известный российский политик, в прошлом военный – В. Алкснис заявляет: «Подписание Медведевым “Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года” сделано больше

“для галочки”, поскольку продуманной стратегии национальной безопасности у России как не было последние двадцать лет, так нет и в настоящее время. А поскольку “без бумажки мы букашки”, то было дано поручение составить такую стратегию. Но документ этот создавался на базе конъюнктурных установок и вряд ли отражает реальное положение дел». (Алексис В. Не было и нет. // www.apn.ru 2009-05-26/).

¹⁰ Бадыкова Н. Стратегия национальной безопасности России: мнения экспертов («Voice of America News», США) // Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/249359.html> 26 мая 2009.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ В 1919 г., сразу после окончания Первой мировой войны, выходит второй труд – «Демократические идеалы и реальность», где он сформулировал свою максимум следующую образом: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром». В журнале «Полис» опубликован перевод части одной из его работ – *Маккиндер Х.Дж. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. L., 1951. P. 30–44. См.: Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.*

¹⁴ Бадыкова Н. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

УДК 321.022

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ

Ю.А. Королев

Саратовский юридический институт МВД РФ,
кафедра гражданского права и процесса
E-mail: king7574@yandex.ru

В статье рассматриваются возможность использования концепции информационного противоборства для анализа регионального политического процесса, манипулятивные и маркетинговые технологии информационного противоборства как источник угроз безопасности. Предлагаются возможные меры для снижения негативных последствий информационного противоборства.

Ключевые слова: информационное противоборство, региональный политический процесс, угрозы безопасности, политические манипуляции.

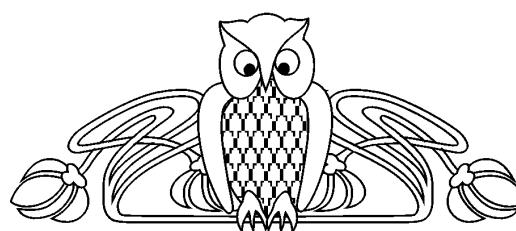
Information Conflict in Regional Policy as a Security Threat

Y.A. Korolev

This article discusses the use of the information for the analysis of regional conflict political process. The author considers the manipulative marketing and information technology as a source of security threats. The paper suggests possible measures to reduce the negative effects of information conflict.

Key words: information conflict, regional political process, security threat, political manipulations.

Проблема информационного противоборства в настоящее время пристально изучается представителями общественных наук. Это связано с тем, что в рамках парадигмы конфликта (предполагающей именно такое рассмотрение политического процесса, при котором существует интенсивное взаимодействие политических акторов по линии «друг – враг») все большую роль играет фактор информации. Информация, а также средства ее

получения, распространения и обработки рассматриваются как постоянно действующий элемент политики, существенно усиливающий властное воздействие и определяющий характер развития политической системы¹.

В политической науке сложилось так, что информационное противоборство рассматривается в основном специалистами по военно-политической проблематике и международным отношениям, поскольку оно является одним из элементов взаимодействия государств в рамках вооруженной борьбы или дипломатического взаимодействия². Целью данной публикации является обоснование нового ракурса использования концепции информационного противоборства – применительно к региональному политическому процессу. Наша гипотеза состоит в том, что информационное противоборство является одной из качественных характеристик регионального политического процесса в условиях демократии. С такой позиции можно предположить, что, наметив основные параметры интенсивности информационного противоборства, возможно прогнозировать развитие региональных политических процессов, оценивать эффективность информационных политических кампаний отдельных политических субъектов.

Развитие информационного противоборства происходило благодаря появлению и массовому распространению новых, более эффективных по сравнению с ранее существовавшими, носителей и средств доставки информации. При осмыслении этого процесса специалисты выделяют следующие стадии информационного противоборства: вербальную, бумажную, техническую